

ОБЗОР

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН
СЕВЕРНОЙ КОРЕИ В ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2018

Н. Н. КИМ

DOI: 10.7868/S0869190818020206

Северная Корея нередко становится предметом исследования историков, при этом чаще всего в центре внимания оказываются ее политические и социально-экономические процессы. В последние годы большой интерес исследователи проявляют к ядерной программе КНДР, развитие которой расценивается международным сообществом как угроза безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более узкие вопросы, такие как гендерная политика, развитие прав и возможностей женщин в КНДР, освещены исследователями в меньшей степени. Тем не менее за последние 30 лет в южнокорейской историографии появилось достаточное количество работ (монографий, статей), многие из которых содержат комплексный подход к проблемам социально-экономического и политического положения северокаорейских женщин.

Наиболее активный интерес южнокорейские исследователи стали проявлять к вопросам гендерной политики в КНДР с конца 1980-х — начала 1990-х гг. До этого времени исследования Северной Кореи в южнокорейской исторической науке были весьма ограничены действующим в стране авторитарным политическим режимом. Изучение Северной Кореи осуществлялось под пристальным контролем со стороны правительства РК, имело определенные пропагандистские цели, направленные на дискредитацию северокаорейской государственности.

Ситуация изменилась с началом демократизации Южной Кореи в 1987 г. На рубеже 1980—1990-х гг. вышли первые работы по истории женской повседневности в КНДР, гендерной политики. В 1988 г. издана монография известного общественного деятеля, первой в Южной Корее женщины-адвоката Ли Тхэён “Женщины Северной Кореи” (*Пукхан-ый ёсон*), в 1991 г. — ее же “Жизнь женщин Северной Кореи” (*Пукхан-ый ёсон сэнхва*). В 1991 г. была опубликована первая комплексная работа по гендерной политике в КНДР Юн Мирян “Женская политика в Северной Корее” (*Пукхан-ый ёсон чончхэк*), а в 1993 г. — исследование Чон Санина в области семейного законодательства “Изменение семейной политики в Северной Корее” (*Пукхан-ый качжок чончхэк пёнхва*).

Помимо индивидуальных монографий в этот период вышел ряд коллективных трудов, выполненных научными сотрудниками различных исследовательских центров: “Настоящее и будущее социалистического освобождения женщин” (*Сахвечжуй ёсон хэбан-ый хёнчжэ-ва мирэ*, 1992), “Семейное законодательство Северной Кореи и реальное положение семьи” (*Пукхан-ый качжокпюп-ква качжон сьлтхэ*, 1991), “Взгляд на женщин Северной Кореи” (*Пукхан-ый ёсонгван*, 1992), “Исследования положения женщин Северной Кореи” (*Пукхан ёсон-ый чивие кванхан ёнгу*, 1992), “Продовольственный кризис в Северной Корее и женщины” (*Пукхан-ый синьян виги-ва ёсон*, 1999), “Жизнь и надежды женщин Северной Кореи” (*Пукхан ёсондыль-ый сальм-ква ккум*, 2001).

КИМ Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17–01–0073) в рамках Программы “Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)” в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5–100”.

В 2000-е гг. характер исследований в области “женской истории” Северной Кореи стал разнообразным, появилось большое количество статей, основанных на анализе интервью с женщинами, перебежавшими на Юг. Из последних фундаментальных работ отмечу коллективную монографию “Женщина и семья в Северной Корее” (*Пукхан-ый ёсон-ква качжок*), подготовленную Обществом исследований Северной Кореи в 2006 г. В ней затрагиваются вопросы развития прав северокорейских женщин сразу в нескольких аспектах: политическом (участие женщин в политике, общественно-политической деятельности), экономическом (женская занятость, трудовая политика, влияние экономического кризиса на социальное положение женщин), семейном (законодательство, внутрисемейные отношения). Пак Ёнчжа, Юн Мирян, Им Сунхи, Пак Хёнсон, участвовавшие в создании данной монографии, являются одними из ключевых современных исследователей в Южной Корее социально-экономического, политического положения женщин КНДР.

В 2004 г. Им Сунхи опубликовала монографию “Продовольственные затруднения в Северной Корее: роль женщин и изменение сознания” (*Синнян-ква пукхан ёсон ёкхаль мит ыйсик пёнхва*), осветив то, каким образом менялась жизнь женщин с началом голода в КНДР (1995–1999) и какую роль они сыграли в поддержании экономического благосостояния своих семей. Пак Хёнсону принадлежит работа “Современное корейское общество и семья” (*Хёндэ пукхан сахве-ва качжок*, 2003), в которой он подробно проанализировал изменения не только в семейной политике, но и в самом институте семьи, брака в КНДР под влиянием как экономических, так и идеологических факторов. Пак Ёнчжа, защитившая в 2004 г. кандидатскую диссертацию на тему развития женского труда в КНДР в 1945–1980-е гг., является автором многочисленных статей в области трудовой политики, вопросов гендерного неравенства в Северной Корее.

В целом исследование гендерной политики в КНДР в современной южнокорейской историографии можно разделить на несколько блоков, каждый из которых освещает различные вопросы женского развития: 1) трудовая политика в отношении женщин, роль женщин в системе общественного производства Северной Кореи (Пак Ёнчжа, 2006; Пак Хёнсон, 2006; Ким Гвиок, 2006; Ан Инхэ, 2001); 2) семейная политика, повседневная жизнь корейских женщин (Ли Мигён, 2006; Пак Хёнсон, 2006; Юн Мирян, 2006; Ли Ынчжон, 2005; Ким Гёнхи, 2016; Ку Суми, О Юсок, 2004); 3) проблемы равноправия мужчин и женщин, правового положения женщин (Ким Сокхён, 2006; Ли Мигён, 2005; Хён Инъэ, 2015; Сим Ёнхи, 2006); 4) охрана материнства и вопросы сексуального воспитания женщин в КНДР (Ким Чжэун, 2014); 5) женщины и государство (роль женщин в общественно-политической работе, создании и поддержании чуждейской идеологической системы так или иначе освещается в большинстве работ по данной тематике в силу высокой степени идеологизированности социальных процессов в Северной Корее (Пак Ёнчжа, 2004; др.).

Практически все южнокорейские исследователи, занимающиеся вопросами гендерной политики КНДР, сходятся во мнении, что исторически отправной точкой формирования нового социально-политического статуса корейской женщины нужно считать 1946 год. Тогда в Северной Корее, еще не обладавшей самостоятельной государственностью, были приняты два важных законодательных акта — Закон о труде (24.06.1946) и Закон о равноправии женщин (30.07.1946). Именно эти два закона заложили основы нового правового статуса корейских женщин, формально порвав с конфуцианской традицией дискриминации женщин в семье и обществе. Вместе с тем они содействовали формированию нового образа женщины в массовом сознании — как социально активных и равноправных с мужчинами субъектов общественных отношений.

По мнению Пак Ёнчжа, Закон о труде подготовил почву для массового вовлечения женщин в производственные отношения, превращения их в производственные силы, имевшие огромное значение для роста будущей социалистической экономики КНДР. Для расширения производственных сил Ким Ир Сень было необходимо проводить такую политику, которая гарантировала бы равные права всем гражданам вне зависимости от пола. Предоставление женщинам оплачиваемого обязательного отпуска по беременности, сокращение трудового времени в период кормления младенца создавало благоприятные условия для труда и постоянной женской занятости [Пак Ёнчжа, 2004, с. 300–301].

Закон о равноправии женщин был направлен на ликвидацию полуфеодалных пережитков в семейных отношениях. Он вводил минимальный возраст вступления в брак для мужчин и женщин (отменялись ранние браки), ликвидировал древний институт наложничества, *кисэн* (многоженства, сожителства), запретил проституцию, продажу женщин, принуждение к браку (отныне требовалось обоюдное согласие для заключения брака). Женщинам предоставлялись

равные с мужчинами имущественные права, право на развод и пр. Уголовный кодекс КНДР 1949 г. вводил различного рода наказания для лиц, как мужчин, так и женщин, нарушающих предусмотренные Законом о равноправии женщин положения. Например, человек, вступивший в брак раньше положенного возраста, подлежал наказанию в виде трудовых работ сроком до года. Женщина, добровольно или принудительно занимающаяся проституцией, наказывалась каторжными работами до 5 лет и т.д. [Ким Чжэун, 2015, с. 397]. Таким образом, на законодательном уровне вводились дополнительные меры, принуждающие северокаорейских граждан к исполнению Закона о равноправии женщин.

Учитывая многовековую традицию наложничества в Коре, отсутствие у каорейских женщин полноценных прав на развод, имущество в эпоху Чосон (1392–1910), нельзя не отметить революционный характер Закона о равноправии женщин. По мнению Юн Мирян, этот закон, равно как и другие первые мероприятия в области гендерной политики в Северной Коре, были приняты под влиянием Советского Союза, чья армия дислоцировалась на Севере Кореи в 1945–1948 гг. С самого начала формирования северокаорейской государственности советская модель развития была выбрана в качестве образца для подражания [Юн Мирян, 2006, с. 64]. В этом смысле большое значение имела социалистическая концепция освобождения женщин, ставшая идеологической основой проводимой Трудовой партией (Северной) Кореи гендерной политики.

В рамках социалистической концепции освобождение женщин понималось как прежде всего классовое освобождение: женщины, будучи неотъемлемой частью рабочего (крестьянского) класса, могли достичь полного освобождения только в случае классовой революции (сначала буржуазной, потом социалистической). Для того чтобы это стало возможно в условиях постколониальной Коре, женщин для начала нужно было превратить в рабочий класс, ибо по сути они таковыми не являлись — большинство были домохозяйками, проживавшими в сельской местности. Как следствие такого видения освобождения женщин, необходимо было, во-первых, вовлечь женщин в общественное производство, сделав их ключевой производительной силой, а во-вторых, развивать их классовое сознание, значительно повысив их участие в общественно-политической жизни государства.

Похожее развитие гендерной политики можно наблюдать и в Советском Союзе, но результат, по мнению Юн Мирян, значительно отличается [Юн Мирян, 2006, с. 65]. Сложившаяся в КНДР система наследственной передачи власти, культ личности вождя имеют прямое отношение к формированию института женского политического лидерства. Фактически его развитие оказалось ограниченным действующей в стране системой единоличной власти, тогда как в Советском Союзе, Восточной Германии все-таки практиковалась смена политических лидеров. Юн Мирян отметила, что в отличие от СССР женщины Северной Кореи вынуждены были переосмыслить свою социальную роль под влиянием серьезного экономического кризиса, а не в результате какой-либо сбалансированной гендерной политики. Как заметила другая исследовательница, Ли Мигён, экономические трудности вынудили северокаорейских женщин осознать, что забота о детях и домашнем хозяйстве — обязанность не только женщин, но и их супругов. “Мужья также осознали перемену и стали помогать своим женам. Но в ограниченном порядке, так как они [мужья] не отказались от патриархата и даже не выразили желания изменить сложившуюся ситуацию” [Ли Мигён, 2005, с. 157].

С теоретической точки зрения, до утверждения чучхе в качестве основы государственной идеологии в КНДР в конце 1960-х гг. социалистическая концепция освобождения женщин была определяющей в постановке задач развития прав и возможностей северокаорейских женщин. Кроме того, важно указать на ряд политических и экономических факторов. После Каорейской войны (1950–1953), завершившейся фактически провалом планов Ким Ир Сена по объединению страны военным путем, необходимо было восстанавливать народное хозяйство. Учитывая огромные военные потери Северной Кореи в войне (разрушено и уничтожено 8700 промышленных предприятий, 600 тыс. жилых домов, общий ущерб, нанесенный войной народному хозяйству КНДР, превысил 420 млрд вон [Современная Корея, 1971, с. 131]), восстановление экономики страны было немислимо без максимально возможного вовлечения женщин в общественное производство. На заседании ЦК ТПК в августе 1953 г. наиболее острым стал вопрос об обеспечении производительными силами. Тогда приняли решение увеличить количество женщин на производстве. Но, по мнению Пак Ёнча, это было непросто. Во-первых, у женщин отсутствовал необходимый опыт работы, их сложно было трудоустроить. Во-вторых, руководители предприятий, не признававшие ценность женского труда, не поощряли их прием на работу. В свою

очередь, многие женщины полагали, что забота о домашнем хозяйстве важнее, чем работа на предприятии [Пак Ёнча, 2006, с. 131].

В феврале 1956 г. кабинет министров КНДР принял постановление № 18 о регулировании и контроле над рабочей силой во всех отраслях народного хозяйства. С этого времени правительство Северной Кореи стало пристально отслеживать рост рабочей силы, в том числе женской. В июле 1958 г. специальным постановлением правительства № 84 “О масштабном вовлечении женщин во все отрасли народного хозяйства” был утвержден план по увеличению числа женщин в общественном производстве. Важно, что план предусматривал создание дополнительной инфраструктуры для реализации поставленной задачи: детских садов, яслей, общественных химчисток (*кондон сэтхаксо*), различных учебных заведений для подготовки женских кадров. Благодаря данной политике к концу 1958 г. количество женской рабочей силы выросло на 29,6% и непрерывно росло на протяжении 1960-х гг. [Пак Ёнча, 2006, с. 135–137]. К 1971 г. экономическая занятость женщин в Северной Корее составила 53,7%, или половину всей рабочей силы страны. Если учесть, что в 1948 г. женщины составляли только 11% всех рабочих Северной Кореи, то результат в целом впечатляет [Юн Мирян, 2006, с. 74–76].

По замечанию Пак Ёнча, проводимая ТПК Северной Кореи трудовая политика имела четкий гендерный характер. Мужчины, как правило, были задействованы в тяжелой и военной, женщины — в легкой промышленности и на производстве в провинции, т. е. на мелких предприятиях регионального значения (*чибан конон*). Северокорейское руководство, формулируя трудовую политику, исходило, во-первых, из того, что женщина по сравнению с мужчиной — более слабое существо. Во-вторых, женщины рожают детей, ответственны за их воспитание и домашнее хозяйство. В-третьих, женщина — более восприимчива и аккуратна, чем мужчина. Это значит, что в Северной Корее власти считали, что забота о детях и доме, продолжая оставаться основным делом женщины, сама по себе при этом общественной ценностью не обладает [Пак Ёнча, 2006, с. 142]. В противном случае тогда, действительно, было бы сложно добиться такого роста женщин в общественном производстве, абсолютное большинство которых было замужем.

Принятый в 1978 г. Закон о социалистическом труде закрепил существующие социальные льготы и привилегии женщин, занятых на производстве, ввел новые правила, охранявшие и одновременно поощрявшие женскую занятость. Например, запрещались командировки, поездки по работе женщинам с 4-го месяца беременности, равно как запрещался тяжелый труд женщинам в период с 6-го месяца беременности до получения отпуска по беременности и родам, и пр. [Пак Ёнча, 2006, с. 143]. Все эти меры способствовали непрерывной занятости женщин, в особенности в легкой промышленности, где они составляли до 90% рабочей силы. При этом воспитание детей, забота о доме по-прежнему воспринимались как важная социальная роль женщины. С самого начала создания северокорейской государственности женщины вынуждены были нести фактически двойное бремя. По замечанию американской исследовательницы Сюэзи Ким, если в период господства конфуцианского патриархата материнство воспринималось как долг женщины с целью продолжения рода, то теперь это стало образцовой формой служения обществу, получив более широкое толкование, чем раньше [SuzyKim, 2010, p. 766].

Мобилизация женщины на производство требовала активной пропагандистской работы. Союз демократических женщин Кореи, созданный в ноябре 1945 г. (тогда он именовался Союзом демократических женщин Северной Кореи), стал главным рупором государственной пропаганды. Это была самая крупная женская общественная организация, издававшая ежемесячный журнал, единственный в своем роде, “Корейская женщина”. Все важные политические изменения в стране незамедлительно отражались и на его деятельности. В ноябре 1965 г. численность данного Союза составила 2 млн 73 тыс. человек [Современная Корея, 1971, с. 158]. Благодаря широкому вовлечению женщин в общественно-политическую работу в рамках деятельности Союза Северной Кореи удалось повысить избирательную активность женщин, а также их политическое участие в выборных органах власти. Небольшими темпами, но постепенно росло с 1948 по 1967 г. число женщин — депутатов Верховного народного собрания КНДР (ВНС). С 1972 г. процент женского участия в высшем законодательном собрании страны стабилизировался, составив в среднем 20%. При этом женщины всегда составляли скромную часть президиума ВНС и кабинета министров. Наиболее известными женщинами, на протяжении длительного времени входившими в состав президиума ВНС или кабинет министров, были Пак Чонъэ, Ким Дыкран, Хо Чжонсук, Ё Ёнгю, Ё Вонгу, Ким Сонъэ (вторая жена Ким Ир Сена), Ю Миён [Юн Мирян, 2006, с. 81].

С укреплением культа личности вождя в 1967 г. параллельно стал насаждаться культ матери Ким Ир Сена Кан Бансок, а затем его первой жены — Ким Чонсук. В июле 1967 г. в газете “Родон синмун” была опубликована статья под названием “Она наша мать”, представив таким образом мать Ким Ир Сена. С тех пор все женщины Северной Кореи, в особенности замужние, должны были следовать модели поведения Кан Бансок — любящей матери вождя нации. В 1970 г. под эгидой Союза демократических женщин Кореи развернулось движение за 100-кратное прочтение книги “Кан Бансок нёса-рыль ттара пэучжа” (условный перевод — “Давайте учиться жить на примере Кан Бансок”). По мнению Пак Ёнча, если убрать революционную идеологию, в рамках которой зарождался культ личности Кан Бансок, то, по сути, виден возврат к конфуцианским постулатам о том, что женщина в детстве должна слушаться отца, после свадьбы — мужа, а после смерти последнего — старшего сына [Пак Ёнча, 2006, с. 261]. Таким образом, незаметно, но произошёл возврат к традиционным семейным ценностям, завуалированным революционной риторикой.

Развертывание культа личности первой жены Ким Ир Сена — Ким Чонсук привнесло некоторые изменения в “идеальный образ северокорейской женщины”. В отличие от Кан Бансок, Ким Чонсук, согласно официальной версии, была непосредственным участником революционного партизанского отряда. Ким Чонсук была одновременно и бесстрашной революционеркой, и заботливой женой, и мудрой матерью. Культ личности Ким Чонсук, во всю мощь развернувшийся в 1970-е гг., стал апофеозом женской революционной пропаганды в Северной Корее. Женщинам стала навязываться такая модель поведения, которая в принципе была чужда концепции социалистического освобождения женщин. Гендерная политика приобрела в этом смысле отчетливый самобытный, чуждый характер, в котором сплелись воедино старые конфуцианские и новые революционные ценности. Все это в конечном счете обернулось ограничением социально-политических возможностей женщин в Северной Корее, снижением их статуса по сравнению с мужчинами [Пак Ёнча, 2006, с. 262].

Любые изменения в гендерной политике в КНДР имели как идеологическое, так и практическое обоснование. Наиболее четко это можно проследить на примере семейной политики. По мнению Пак Хёнсона, в зависимости от стадии развертывания Корейской революции менялась и семейная политика. Он выделяет несколько этапов: с момента освобождения в августе 1945 г. до февраля 1947 г. преобразования семьи соответствовали идеям антиимпериалистической, антифеодальной демократической революции; далее до августа 1958 г. — социалистической революции, подразумевавшей “устойчивость семьи”, а после, руководствуясь идеями окончательной победы социализма, северокорейское руководство перешло к политике “усиления семьи”. Семья оказалась под пристальным контролем со стороны социалистического государства. С началом экономического кризиса в Северной Корее акценты несколько сместились: не имея необходимых ресурсов для гарантии экономического благосостояния семьи, государство стало подчеркивать обязанность семьи самостоятельно отвечать за свое содержание [Пак Хёнсон, 2006, с. 27].

Политика “укрепления семьи” непосредственно повлияла на усложнение процедуры развода. Закон о равноправии женщин 1946 г. предусматривал сравнительно простую процедуру развода. В случае обоюдного согласия достаточно было подать заявление о разводе в народный комитет по месту проживания для расторжения брака. Если кто-то из супругов был против развода, то обращались в суд. С 1956 г. по постановлению кабинета министров № 25 дело о разводе даже при обоюдном согласии супругов рассматривалось исключительно в суде. По замечанию Ли Ёнчжона, при разводе граждане КНДР должны исходить из интересов революции.

«Это значит, что если развод в интересах революции, то он должен быть одобрен, если же вредит революции, то должен быть отвергнут. Все потому, что развод не является просто личной проблемой, он непосредственно связан с национальными, социальными и революционными интересами. Ввиду того что социалистическое общество основано на принципе коллективности, выраженном в девизе “один за всех и все за одного”, семейный и социальный интерес, революционный и личностный неразрывно взаимосвязаны» [Lee Eun-jung, 2005, p. 178].

Ужесточение контроля над семьей также отразилось и на процедуре гражданской регистрации. Решение Временного народного комитета Северной Кореи от 9 августа 1946 г. отменяло систему регистрации (*хочжок*), существовавшую в Корее с эпохи Чосон и закреплявшую главенство мужчины в доме (мужа, старшего сына). Взамен *хочжок* вводилась гражданская регистрация, в соответствии с которой регистрации подлежал каждый человек в индивидуальном

порядке, а не в виде члена домохозяйства. Все девушки старше 18 лет должны были быть зарегистрированы вне зависимости от их принадлежности к той или иной семье. По мнению Юн Мирян, это содействовало осознанию равенства мужчин и женщин. В 1955 г. по постановлению кабинета министров КНДР “Правила регистрации гражданского состояния” для регистрации брака оба супруга одновременно должны были явиться в ЗАГС по месту жительства, подать заявление и получить соответствующую отметку в паспорте [Юн Мирян, 2006, с. 70–71]. По всей видимости, это было сделано для того, чтобы предотвратить случаи регистрации брака без согласия одной из сторон, не присутствующей физически в ЗАГСе (обязательная гражданская регистрация брака была новым явлением в корейском обществе, где длительное время брак заключался просто по согласию родителей).

По мере утверждения чучхе в качестве главной идеологической основы Корейской революции, в противовес изначально марксистско-ленинской концепции, в северокорейском обществе насаждалась идея революционного чувства долга. Как писал Ким Ир Сен в мемуарах, “стратегическим направлением противника, пытавшегося изолировать и подавить нас, мы противопоставили свою стратегию — революционного чувства долга, сплоченность рядов” [Ким Ир Сен, 1995, с. 316]. Долг в данном случае понимался как беззаветное служение государству и революции, а вместе с этим и вождю.

“Руководитель служит интересам масс, а массы хранят беззаветную верность ему — таково коммунистическое чувство долга в нашем понимании отношений между руководителем и массами” [Ким Ир Сен, 1995, с. 317]. Конец 1950-х гг. сам Ким Ир Сен вспоминал как время, «когда в сознании наших людей оставалось немало пережитков психологии низкопоклонства. Плохо велось воспитание на революционных традициях, была почти неизвестна народу, детям и молодым история нашей вооруженной борьбы. Находилась немало руководителей, которые гладко, без запинки рассказывали содержание “Краткого курса истории ВКП(б)”, знали, какой была “Искра”, что из себя представлял Бухарин...» [Ким Ир Сен, 1995, с. 341].

Революционизирование семьи сводилось, по мнению Пак Хёнсона, к ее чучхеизации, основанной на сочетании социалистических элементов и системы патриархата (*кабучжанчже*). Рубежными датами данной политики исследователь считает 1961 г., когда на Общенациональном съезде матерей Ким Ир Сен обратился к ним с речью “Обязанности матерей в воспитании детей” (*Чанё кёюк-есо омонидыль-ый имму*), утвержденной впоследствии ТПК, Союзом демократических женщин Кореи в качестве программы действий, и 1971 г. — очередная речь Ким Ир Сена “О революционизировании женщин и преобразовании по образцу рабочего класса” (*Нёсондыль-рыль хёнмёнхва, родон кегыпхвахаль де тэхаё*) [Пак Хёнсон, 2006, с. 28]. В 1998 г. на II Общенациональном съезде матерей, 37 лет спустя, перед женщинами были поставлены задачи увеличения рождаемости, активной трудовой деятельности, усиления идеологического воспитания в семье, расширения помощи армии и др. Иными словами, на протяжении десятилетий в Северной Корее действовала политика, призывавшая женщин соответствовать высоким требованиям революции — быть заботливой матерью, женой и в то же время активным субъектом производственных отношений.

Экономический кризис, охвативший Северную Корею в 1990-е гг., повлиял как на гендерную политику государства, так и на осознание северокорейскими женщинами своей социальной роли в обществе. Катастрофическое снижение промышленного производства обернулось нарушением системы снабжения населения товарами потребительского спроса, сопровождавшееся падением сбора зерновых [Ан Инхэ, 2001, с. 235–236]. В свою очередь, наводнение 1995 г. вызвало острый продовольственный кризис в стране, а затем и голод, продолжавшийся до 1999 г. и унесший, по некоторым оценкам, жизни 240–600 тыс. человек [Ланьков, 2013]. В тяжелых экономических условиях женщины вынуждены были взять на себя обязательства по обеспечению семьи, тогда как часть домашней работы, в том числе уход за детьми, невольно оказалась обязанностью мужчин.

Ли Мигён, проведя опрос среди северокорейских женщин-беженцев, пришла к выводу, что, несмотря на усиление роли женщин с точки зрения экономического снабжения семьи в годы кризиса, это не привело к фундаментальным изменениям в их отношении к семье, мужу. Хотя многие женщины согласились с тем, что необходимо разделять домашние обязанности между супругами, в то же время они не отрицают власть мужа как главы домохозяйства. “За исключением некоторых высокообразованных женщин, большинство опрошенных предпочли не делать

ставку на свои собственные способности, а пожелали выйти замуж за человека, который бы гарантировал им благополучную жизнь”. Ли Мигён считает, что это свидетельствует об ограниченности изменений в осознании женщинами своей социальной роли, а также о том, что до сих пор они признают свою подчиненность мужчинам. Причина этого заключается, во-первых, в том, что изменения экономического статуса женщины в семье не сопровождались серьезными политическими сдвигами в обществе, продолжавшем жить в соответствии с принципами патриархата и патернализма. Во-вторых, женщины активизировали деятельность по обеспечению семьи в годы кризиса не потому, что они так сами захотели, а потому что были вынуждены. “В силу того, что общественная деятельность женщин не была мотивирована достижением каких-либо результатов, вполне естественно, что она не осмысливалась ими самостоятельно” [Lee Mee-kyung, 2005, p. 161–163].

Ку Суми и О Юсок, проанализировав данные интервью с женщинами-перебежчицами, бывшими жительницами северо-корейских городов Синьйчжу, Чхончжина, Хесана, пришли к выводу, что уже в 1980-е гг. в силу снижения промышленного производства наметились серьезные изменения в структуре занятости женщин. Начиная с 1980-х гг. все больше становилось женщин, которые после замужества прекращали работать на предприятиях, занимаясь домом, воспитанием детей. По мнению авторов, увеличение числа женщин-домохозяек свидетельствовало о застое в северо-корейской экономике. “Не будет ошибкой считать, что освобождение женщин в Северной Корее прежде всего зависело от того, насколько успешно будут экономические реформы” [Ку Суми, О Юсок, 2004, с. 344]. Как только начался спад производства, выросло количество женщин-домохозяек. Женщин, которые не заняты постоянно на производстве, в Северной Корее называют *качжон чубу*, или *каду ёсон*, — домохозяйки. Главная причина, по которой женщины продолжали работать, была финансовая. “Невозможно было содержать семью только на зарплату мужа”. Женщина, находящаяся на иждивении мужа, получала всего 300 г риса в день, работающая — 700 [Ку Суми, О Юсок, 2004, с. 327–328].

Авторы указывают и на другие факторы, содействующие постоянной занятости женщин: 1) общественные работы: женщины, не работающие на предприятии, вынуждены были еще больше заниматься общественной деятельностью в рамках Союза демократических женщин Кореи, *инминбан* (группы содействия местным органам власти, формируемые из соседей), нежели работающие. Не желая заниматься бесплатно такой работой, они предпочитали где-то постоянно трудоустроиться; 2) чувство гордости за свою работу. Судя по комментариям самих северо-корейских женщин, труд на предприятии перестал восприниматься как нечто обязательное: в случае стабильного финансового положения мужа, высокого социального статуса жена могла не работать. При этом надо подчеркнуть, что это вовсе не означало, что она занималась исключительно домашним хозяйством: женщины были вовлечены в общественную деятельность, которая предполагала не только чтение пропагандистской литературы, но и работу в поле, например изготовление компоста и пр.

С развалом карточной системы распределения продовольствия к 1993 г. в стране стихийно стали возникать рынки. Формально до 2002 г. в КНДР были разрешены только крестьянские рынки, функционировавшие всего три раза в месяц (1, 11 и 21 числа). Тем не менее голод заставил людей открывать новые нелегальные рынки, в которых цены могли в разы отличаться от государственных. В большей степени от голода пострадали дети, престарелые люди и женщины, в особенности кормящие матери [Сим Ёнхи, 2006, с. 160–163]. Как изменилась структура занятости в начале 2000-х гг., когда последствия голода во многом были уже преодолены, и официально была разрешена, правда в ограниченном порядке, частная торговая деятельность на рынке? Более половины занятых в торговле (имеются в виду не только рынки, но и целом торговые предприятия) составляли женщины, на рынках же их количество достигло 70%. Женщины по-прежнему составляли большинство в легкой промышленности и в сфере услуг, где зарплаты были ниже, чем в тяжелой промышленности [Сим Ёнхи, 2006, с. 165–166].

Одним из последствий экономического кризиса 1990-х гг. стало увеличение возраста вступления в брак среди женщин. Возросло количество женщин, выходящих замуж после 30 лет, главным образом потому, что они считали обременительным с материальной точки зрения уход за мужем и детьми. Работа на рынке, сопровождавшаяся частыми перемещениями женщин с места на места, отсутствием дома, создавала неблагоприятные условия для поддержания стабильных отношений между супругами, приводило к кризису семьи [Ан Инхэ, 2001, с. 238].

С приходом к власти Ким Чен Ына в 2011 г. и развитием рыночных элементов в экономике (введением хозрасчета на промышленном предприятии, семейного подряда в сельском

хозяйстве) южнокорейские исследователи не наблюдают существенных изменений в гендерной политике северокаорейского руководства. “Государственный патриархат” (кукка кабучжанчже), являвшийся особенностью режимов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, по-прежнему остается в силе, равно как навязывание женщинам “двойного бремени” забот, с усиленным, правда, подчеркиванием обязанностей женщин как жен, матерей, снох [Ким Гёнхи, Кан Ынъэ, Сон Мёнъа, 2016, с. 159]. По всей видимости, существование жестко авторитарного политического режима в сочетании с чуждой социальной экономической экономикой еще долго будут определять состояние прав и возможностей женщин в КНДР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ан Инхэ. Женщина и экономика при Ким Чен Ире (Ким Чониль чхечже-ый кёнчже-ва ёсон) // *Хангук чончхи хаххвебо*. 2001. № 35(2). С. 225–240.
- Взгляд на женщин Северной Кореи (Пукхан-ый ёсонган). Сеул: Идэ хангук ёсон ёнгусо, 1992.
- Жизнь и надежды женщин Северной Кореи (Пукхан ёсондыль-ый сальм-ква ккум). Сеул: Сахве мунхва ёнгусо, 2001.
- Им Сунхи. Продовольственные затруднения в Северной Кореи: роль женщин и изменение сознания (Синьян-ква пукхан ёсон ёххаль мит ыйсик пёнхва). Сеул: Тхониль ёнгунон, 2004.
- Им Сунхи. Влияние продовольственного кризиса на женщин Северной Кореи (Синьяннан и пукхан ёсон-еге мичхин ёнхян) // *Женщины и семья в Северной Кореи (Пукхан-ый ёсон-ква качжок)*. Сеул: Кёнин мунхваса, 2006. С. 347–376.
- Исследования положения женщин Северной Кореи (Пукхан ёсон-ый чиви е кванхан ёнгу). Сеул: Хангук ёсон кэбальвон, 1992.
- Ким Гёнхи, Кан Ынъэ, Сон Мёнъа. О воспроизводстве государственного патриархата после прихода Ким Чен Ына к власти в Северной Кореи (Ким Чонин-ын чипквон иху пукхан-ый кукка кабучжанчже-ый чэсэсан-е кванхан ёнгу) // *Асиа ёсон ёнгу*. 2016. № 55. С. 131–164.
- Ким Ир Сен. Мемуары. В водвороте века. Т. 6. М.: Палея, 1995.
- Ким Сохьян. Проблема женских прав и равенства полов в Северной Кореи сквозь призму повседневности (Ильсан сэнхваль-есо пон пукхан-ый сонпхёндын сальтхэ-ва ёсон ингвон-ый мунчже) // *Женщины и семья в Северной Кореи (Пукхан-ый ёсон-ква качжок)*. Сеул, 2006. С. 273–308.
- Ким Чжэун. Семейная культура Северной Кореи после освобождения сквозь призму женщин, детей и секс (Ёсон, орини, сексы-рыль тхонхэ пон хэбан ху пукхан-ый качжок мунхва) // *Хангук хёндэса ёнгу*. 2014. № 71. С. 212–245.
- Ким Чжэун. От освобожденного “Я” до объекта мобилизации — изгибы женской политики в Северной Кореи (1945–1950) (Хэбантвен чжа-есо тонвон-ый тэсан-ыро — Пукхан ёсон чончхэк-ый кульчжоль) // *Хангукса ёнгу*. 2015. № 170. С. 389–428.
- Ку Суми, О Юсок. Жизнь и мировоззрение северокаорейских женщин — жительниц Чхончжина, Синийчжу, Хесана (Пукхан тоси ёсон-ый сальм-ква ыйсик — Чхончжин, Синийчжу, Хесаналь чунсим ыро) // *Сахве ёкса*. 2004. № 65. С. 308–359.
- Ланьков А. Сколько человек на самом деле умерло от голода в КНДР? // https://republic.ru/world/skolko_chelovek_na_samom_dele_umerlo_ot_goloda_v_severnoy_koree-1000422.shtml.
- Ли Тхэён. Женщины Северной Кореи (Пукхан ёсон). Сеул: Сильчхон мунхакаса, 1988.
- Ли Тхэён. Жизнь женщин Северной Кореи (Пукхан-ый ёсон сэнхваль). Сеул: Минчжок тхониль чунан хёбихве, 1991.
- Настоящее и будущее социалистического освобождения женщин (Сахвечжуый ёсон хэбан-ый хёнчжэ-ва мирэ). Сеул: Тосочхульпхан пэкту, 1992.
- Пак Ёнчжа. Формирование и изменения в политике равноправия полов в Северной Кореи (1945–1970) (Пукхан-ый намонь пхёндын чончхэк-ый хёнсон-ква кульчжоль: пукхан ёсон-ый чончхи сахвечжок чиви пёнхва-рыль чунсим-ыро) // *Асиа ёсон ёнгу*. 2004. № 11. С. 297–330.
- Пак Ёнчжа. Политика в области женского труда в Северной Кореи (Пукхан-ый ёсон нодон чончхэк) // *Женщины и семья в Северной Кореи (Пукхан-ый ёсон-ква качжок)*. Сеул: Кёнин мунхваса, 2006. С. 129–168.
- Пак Хёнсон. Современное каорейское общество и семья (Хёндэ пукхан сахве-ва качжок). Сеул: Хануль ахадеми, 2003.
- Пак Хёнсон. Семейная политика в Северной Кореи (Пукхан-ый качжок чончхэк) // *Женщины и семья в Северной Кореи (Пукхан-ый ёсон-ква качжок)*. Сеул: Кёнин мунхваса, 2006. С. 7–54.

Пак Хёнсон. Изменения в жизни женщин и семье после экономических реформ в Северной Корее (Пукхан кёнчже кэхёк иху качжок-ква ёсон сэнхваль-ый пёнхва) // *Женщины и семья в Северной Корее (Пукхан-ый ёсон-ква качжок)*. Сеул: Кёнин мунхваса, 2006. С. 309–346.

Продовольственный кризис в Северной Корее и женщины (Пукхан-ый синнян виги-ва ёсон). Сеул: Хангук ёсон ёнгувон, 1999.

Семейное законодательство Северной Кореи и реальное положение семьи (Пукхан-ый качжокпона-ква качжон сильтхэ). Сеул: Пукхан ёнгусо, 1991.

Сим Ёнхи. Права женщин в Северной Корее: положение и факторы (Пукхан ёсон-ый ингвон: сильтхэ-ва ёин) // *Асия ёсон ёнгу*. 2006. № 45(2). С. 151–194.

Современная Корея. Справочное издание. М.: Наука, 1971.

Хён Инъэ. Об изменениях в дискурсе и женской политике в Северной Корее на основе анализа газеты “Родон синмун” (Нодон синмун са-нонсолъ-ыль тхонхэсо пон пукхан ёсон тамнон-ква ёсон чончхэк-ый пёнхва) // *Тхониль чончхэк ёнгу*. 2015. № 24. С. 209–239.

Чон Санин. *Изменение семейной политики в Северной Корее (Пукхан-ый качжок чончхэк пёнхва)*. Сеул: Минчжок тхониль ёнгувон, 1993.

Юн Мирян. *Женская политика в Северной Корее (Пукхан-ый ёсон чончхэк)*. Сеул: Хануль, 1991.

Юн Мирян. Этапы развития женской политики в Северной Корее (Пукхан ёсон-ый висан-ква ёкхаль) // *Женщины и семья в Северной Корее (Пукхан-ый ёсон-ква качжок)*. Сеул: Кёнин мунхваса, 2006. С. 55–115.

Lee Eun-jung. Family law and inheritance law in North Korea // *Journal of Korean Law*. 2005. Vol. 5. № 1. Pp. 172–193.

Lee Mi-kyung. The issue of North Korean women by examining gender awareness of female defectors // *The Korean Journal of International Studies*. 2005. № 45(5). Pp. 155–178.

Kim Suzy. Revolutionary mothers: women in the North Korean revolution, 1945–1950 // *Comparative Studies in Society and History*. 2010. Vol. 52. № 4. Pp. 742–767.